

должность адмирала, а потому г-н де Монморанси охотно согласился обсудить вопрос о должности адмирала Западного флота, которую занимал. Г-н де Гиз в вопросе о должности адмирала Восточного флота был менее уступчив и в итоге лишился званий и Адмирала и губернатора Прованса.

О всемогуществе Кардинала рассказывали историю, которую Буаробер потешал Его Высокопреосвященство. Полковник Хейлброн, шотландец, человек уважаемый, проезжая верхом по улице Тиктон, вдруг чувствует, что его подпирает. Он бросается в ворота дома какого-то горожанина и облегчается тут же на дорожке. Выбегает хозяин и поднимает шум; ваш полковник крайне смущен. Тогда его слуга говорит горожанину: «Мой хозяин служит у г-на Кардинала». — «О, сударь, — отвечает горожанин, — коли вы служите у Его Высокопреосвященства, вы можете . . . где вам угодно».

Это тот самый полковник, который говорил на своем тарабарском наречии, что, ежели пуля свое назначение имеет, избежать ее никак невозможно. Отец Жозеф, показывая пальцем на карту, говорил: «Речку мы перейдем здесь». — «Но, господин Жозеф, — отзывался полковник, — ведь ваш палец не мост».

Кардинал устроил так, что Король обратил внимание на Лафолена, дворянина из Турени, и приказал ему, якобы без ведома Кардинала, ни на шаг не отходить от Его Высокопреосвященства, не допускать, чтобы его слишком утомляли, и требовать, чтобы с ним беседовали лишь в тех случаях, когда необходимо сообщить ему нечто весьма важное. Это было до того, как у Кардинала появился постельничий и учреждена была его личная охрана. Этот Лафолен был самым знаменитым едоком при Дворе. Другие говорили: «Эх, хорошо бы нынче поохотиться!». — «Эх, хорошо бы сейчас прогуляться!». — «Эх, хорошо бы сыграть в мяч, потанцевать!» и т. д., а он твердил одно: «Эх, хорошо бы нынче поесть!». Выходя из-за стола, он читал благодарственную молитву так: «Господи, будь милостив ко мне и дай переварить все, что я съел».

Наш д'Эпернон был одним из самых стойких людей, но и ему пришлось пойти на мировую, и он приехал верхом в Монтобан для свидания с Кардиналом. «Перед нами, — сказал д'Эпернон, — несчастный старик». Кардинал не мог ему простить, что, когда во время осады Ларошели кто-то застал д'Эпернона с молитвенником в руках, тот заметил: «Приходится волей-неволей заниматься чужим ремеслом, раз другие занимаются нашим». Сына своего он назвал кардиналом Валэ.²⁶ Зато он сильно напугал Ришелье в Бордо, явившись к нему в сопровождении двухсот дворян в то время, как тот был один и лежал в постели. Этого Кардинал никогда ему так и не забывал. Когда Кардинал был назначен генералиссимусом в Италию, д'Эпернон заметил в шутку, что Король оставил за собой одну лишь обязанность — исцелять от золотухи;²⁷ а когда г-н д'Эффиа был пожалован маршалом Франции, он заявил ему: «Вот, господин д'Эффиа,